

Література

Агалакова Т. Б. Становление лексико-семантического поля синестетических прилагательных в русском языке / Т. Б. Агалакова: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04. – М., 2003. – 22 с. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора / Н. Д. Арутюнова – М.: АН СССР, 1979. – С. 147 – 173. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций / Гак В. Г. – Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 45-53. Галеев Б. М. Содружество чувств и синтез искусств / Галеев Б. М. – М.: Знание, 1982. – 157с. Кравков С. В. Взаимодействие органов чувств / С. В. Кравков – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. – С. 115 – 126. Куценко А. В. Семантическая структура прилагательных вкусообозначения и их лексическая сочетаемость в английском и русском языках / А. В. Куценко: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04. – М., 1979. – 22 с. Майданова Т. В. Синестетические метафоры в художественной речи XX века / Т. В. Майданова: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 – М., 1992. – 24 с. Яницкая Н. И. Адъективная синестезия в английской и русской поэзии романтизма / Н. И. Яницкая: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04. – М., 2010. – 24 с. Ullmann S. Semantics. An introduction to the science of meaning./ S. Ullmann – Oxford: Blackwell, 1962. – 278 p. Williams J. Synaesthetic Adjectives. A possible law of semantic change / J. Williams – Language. – 1976. – Vol.52. – № 2. – P. 461-478. 11. Christina Rossetti Bride song – [Електронний ресурс]. – режим доступу до тексту: http://www.poetry-online.org/rossetti_christina_bride_song.htm Rupert Brook Retrospect – [Електронний ресурс]. – режим доступу до тексту: [http://en.wikisource.org/wiki/Retrospect_\(Brooke\)](http://en.wikisource.org/wiki/Retrospect_(Brooke)) 13. Stephen Foster I dream of Jeanie – [Електронний ресурс]. – режим доступу до тексту: http://www.lovepoems.me.uk/foster_jeanie_with_the_light_brown_hair.htm .Percey Bysshe Shelley To Jane – [Електронний ресурс]. – режим доступу до тексту: http://www.love-poems.me.uk/shelley_to_jane.htm Samuel Alfred Beadle My suburban girl – [Електронний ресурс]. – режим доступу до тексту: <http://www.theromantic.com/poetryclassic/mysuburbangirl.htm> Edmund Waller Go, lovely Rose – [Електронний ресурс]. – режим доступу до тексту: <http://www.daypoems.net/poems/305.html> John Clare First Love – [Електронний ресурс]. – режим доступу до тексту: <http://www.poemhunter.com/poem/first-love/> Thomas Hood Ruth – [Електронний ресурс]. – режим доступу до тексту: <http://www.englishverse.com/poems/ruth> Robert Seymour Bridges My delight and your delight <http://www.poemhunter.com/poem/my-delight-and-thy-delight/> Samuel Wadding A Persian apologue – [Електронний ресурс]. – режим доступу до тексту: http://www.links2love.com/poetry_75.htm Pablo Neruda And because Love battles – [Електронний ресурс]. – режим доступу до тексту: <http://www.poemhunter.com/poem/and-because-love-battles/> Anna Bronte Dreams – [Електронний ресурс]. – режим доступу до тексту: <http://www.poemhunter.com/poem/dreams-10/>

КОЧ Н.В.*(Киевский национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова)***ГЕНЕЗИС МЕТАФОРЫ В ДИАХРОНИИ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ**

У статті розглянуті основні особливості утворення та функціонування генетичної метафори як універсального та етнічного (східнослов'янського) культурного феномену. Показана специфіка формування антропологоморфної метафори як складника діахронічного концепту.

Ключові слова: діахронічний концепт, генетична метафора, антропологоморфна метафора, медіативність метафори, проєктивність метафори, метафора-метаморфоза, метафора-символ.

Коч Н.В. Генезис метафоры в диахронии: опыт исследования. В статье рассмотрены основные особенности образования и функционирования генетической метафоры как универсального и этнического (восточнославянского) культурного феномена. Показана специфика формирования антропологоморфной метафоры как составляющей диахронического концепта.

Ключевые слова: диахронический концепт, генетическая метафора, антропологоморфная метафора, медиативность метафоры, проективность метафоры, метафора-метаморфоза, метафора-символ.

Koch N.V. Metaphor genesis in diachrony: the study experience. The article deals with the main features of forming and functioning of the genetic metaphor as a universal and ethnic (East Slavic) cultural phenomenon. The specific character of forming of the anthropo-zoomorphous metaphor as a component of diachronic concept is shown.

Key-words: diachronic concept, genetic metaphor, anthropo-zoomorphous metaphor, metaphor mediativity, metaphor projectivity, metaphor-metamorphosis, metaphor-symbol.

Обязательной составляющей диахронического лингвокультурного концепта является глубинная когнитивная метафора, представленная поверхностными вербальными структурами. В отличие от метафоры в современном понимании этого термина, такой троп имеет свою формальную и содержательную специфику. **Целью** данной статьи является описание особенностей формирования генетической метафоры в динамике ее развития в контексте дописьменной и ранней письменной культуры восточных славян. **Объект** исследования – процесс метафоризации в диахронии, **предмет** исследования – антропологоморфная когнитивная метафора, презентированная лексическими средствами восточнославянских языков донационального периода их развития.

Метафоризация знаний и опыта в генезисе рассматривается рядом исследователей прежде всего в связи с мифологическими структурами сознания, где метафора является переводом мифа в привычные формы обыденного сознания (Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс Б.А. Успенский, Ю.М. Лотман), а также в связи с понятием универсалий в синхронической семантике (Ю.Н. Караулов, С. Ульман). Метафора как семантическая универсалия диахронической семантики изучена недостаточно глубоко. Одной из работ, представляющей научный интерес в этом направлении, является исследование Л.В. Балашовой,

посвященное определению роли метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы русского языка периода XI–XX вв. [Балашова 1999].

Рене Декарт писал о механизмах установления сходства между различными объектами как о причине возникновения универсалий: «Универсалии образуются в силу только того, что мы пользуемся одним и тем же понятием, чтобы мыслить о нескольких отдельных вещах, сходных между собой» [Декарт 1950, с. 451]. Опыт описания когнитивно-языковых метафор, образованных на основе универсальных фундаментальных природных и культурных семантических оппозиций, представлен нами в виде ахронических смысловых параллелей восточнославянской культуры дописьменной и ранней письменной эпох и культур других народов в монографии [Коч 2010, с. 191–208]. Концептуальные изменения метафоры в истории под влиянием экстра- и интралингвистических факторов не исключают преемственности ее развития. Устойчивость, стабильность, отсутствие глубоких деформаций в метафоризации позволяет реконструировать древние культуры в их сопоставлении между собой.

Архаичная суть метафоры обусловлена механизмами пралогического и мифологического мышления наших предков, поэтому ее исследование следует начинать с анализа самых давних устных и письменных фиксаций этого тропа. Если синхроническая лингвистика выделяет «мертвые» («стертые», «генетические») и «живые» метафоры (Н.Д. Арутюнова, Г.Н. Скляревская), то для диахронического языкознания все метафоры «живы». Такие фигуры речи утратили связь с источником именованного и со временем превратились или в абстрактные понятия, или в номинации, потерявшие контакт с исходным образом. Опираясь только на позиции синхронической лингвистики, невозможно в полном объеме реконструировать связь между начальным и конечным образом метафоры и установить детерминированность ее появления и функционирования в коллективном и индивидуальном сознании. В связи с этим исследователи истории языка должны заинтересовать взгляды Ж.-Ж. Руссо, Ф. Ницше, М.Б. Хессе на метафорическое значение слова как исторически первоначальное, основное.

Так, Руссо был уверен, что первым выражением человеческих страстей являлись тропы, отражающие истинную, подлинную суть именованных вещей, поэтому первым языком был образный, поэтический язык, и лишь со временем люди стали рассуждать логически. На первом этапе развития языка прямое и переносное значения слов, номинирующих объекты, не дифференцируются, только в дальнейшем «прямой смысл освобождается от первоначальной метафоры, в которой всякий предмет смешан с другими» [Леви-Строс 1994, с. 24]. Анализируя взгляды Ж.-Ж. Руссо на происхождение языка, К. Леви-Строс определяет метафору не как «позднее украшение языка», а как его одну «из фундаментальных разновидностей», этот троп «образует ... первоначальную форму дискурсивного мышления» [Там же, с. 106], что вполне согласуется с теорией когнитивной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

Метафора на первоначальном этапе своего формирования адекватно продуцирует ментальные операции осознания и познания действительности. Как культурный феномен этот троп имел свою специфику развития, которую можно проиллюстрировать с помощью приема ретроспективного моделирования. Если для нашего современника метафора типа *человек – это волк, человек – это птица, человек – это конь, человек – это камень* является свернутой формулой рассуждения «человек похож на X, так как имеет общие свойства у, z ...», и в данном случае перевод одного объекта сравнения в категорию другого объекта сравнения носит условный, не буквальный характер, то для наших предков такое сравнение являлось основанием для ментального и реального, действительного перемещения первого компонента метафоры в систему другого компонента (и наоборот!). Это свидетельствует о возможности нахождения субъекта «человек» и объектов «животное» и «предмет» в одной категории – соответственно категории «сущность» (в том числе фантастическая) и категории «природные объекты». Категориальный сдвиг происходит позже в связи с изменением ценностного статуса человека в природе, поднявшегося по иерархической лестнице животного мира благодаря религии Христа.

Следами вхождения человека, животного и предмета в одну категорию являются, например, имена животных и объектов неживой природы, закрепившиеся в качестве собственных имен людей: *Диоскория не иже по оубьени протерия прп(д)бьнаго и бж(с)твьнаго тимофееви нарицаемому дхорю. приемъшо о(т) протериевы(х) причьтъникъ* (КР, 389 об. 1284 г.). Первобытный человек, получивший с рождения имя *Камень*, отождествлял себя с камнем, названный именем *Медведь*, становился медведем и в дальнейшем вел себя как его тотемы, сознательно и бессознательно копируя их свойства. Иногда человек получал второе имя после того, как его привычки и характер сформировались, и тогда племя могло «наградить» своего соплеменника другим, характеризующим его изменившуюся сущность, именем. Здесь уже намечается индивидуализация в назывании, когда проявляется отход от коллективных, клановых установок, которые все-таки происходили в рамках общей системы именованного конкретного коллектива.

Диахроническая метафора органично связана с *метаморфозами*. Переходные образования *метафоры-метаморфозы* в начале своего развития отражают суть процесса полного слияния человека с

природой и отождествление первого с окружающими его реалиями. Выделение себя как особого субъекта бытия происходит после триумфа христианских идей над языческими. Украинский этнограф Х.П. Ящуржинский писал: «Вера народа в превращения относится к тому отдаленному первобытному времени, когда он видел в камне, дереве, животном превращенного человека» [Ящуржинский 1991, с. 554]. Одухотворяя природу, человек принимал олицетворения буквально: неодушевленные и одушевленные предметы чувствовали, желали, действовали, как люди. В своих исследованиях украинских сказок ученый выделяет статичные и динамичные (имеющие обратный ход) превращения (последние, по-видимому, лучше назвать *прогрессивно-регрессивными*). Более поздние наслоения христианской культуры на сказочные образы приводит к тому, что ответственность за метаморфозы (которые, как правило, являются наказанием за грехи) несет Господь или Иисус Христос (мотивы превращения мельника в медведя, женщины в зозулю, любопытного мужика в аиста, девушек в кукушки и чайки, мальчика, дразнившего Бога, в собаку, богача и его жену, которые не пошли к пасхальной службе, в павлина и паву, еврейки в свинью, юноши в крота и т.д.) [Там же, с. 556–557].

Следует также выделить такую важную особенность диахронической метафоры как ее способность символизироваться. Д.С. Лихачев пишет об этом процессе следующее: «В средневековых произведениях сама *метафора* очень часто оказывается одновременно и символом <...>, исходит из того «двойного» восприятия мира, которое характерно для символизирующего мировоззрения средневековья» [Лихачев 1979, с. 165] (курсив наш. – К.Н.). Он приводит пример из «Слова на собор святых отцов» Кирилла Туровского, в котором архиереи называются «высокопаривыми орлами», едящими тело Христа, имея в виду теологические понятия, воплотившиеся в служебном обряде и облачении священнослужителей (архиерей во время службы становился на *орлец* – коврик с изображением орла). Анализ символов в лингвистических исследованиях часто осуществляется с помощью метафоры (Ф. Уилрайт называл символ «стабилизированной метафорой»). Функционирование *метафоры-символа* в религиозных дискурсах закономерно для данного хронологического среза, отличавшегося, как и в дописьменный период, сакрализацией всего мирского (о метафоре-символе *Христос – Агнец* см. [Коч 2010, с. 292–300]).

Например, мифологическая классификация животных на хтонических и небесных, демонстрирующая бинарность *верх – низ* (земные животные рассматриваются как уравнивающий медиативный фактор), находит свое продолжение в жанрах конфессиональной книжности христианской поры, рассказывающих о сложном пути верующего. Так, на страницах библейских притч царя Соломона представлены метафоры-символы *человек – орел*, *человек – уж*, противопоставленные друг другу как проекция фундаментальной ориентационной оппозиции *верх – низ*: *три речи суть трудные мне ко познанию ... путя орлова по воздуху летящего, и путя вужа по камению ползущаго* (Скар. ПС, 46). Исследование таких дуальных тропов проводится с помощью структурного анализа и основывается на идее бинаризма изоморфных ментальных и языковых оппозиций. Метафорическая замена одной оппозиции на другую, более слабую, предполагает систему классификаторов, которая имеет различные семантические коды (природные и культурные). При этом природные таксономии с их вегетативным и зооморфным кодами обязательно согласуются с центральным кодом – антропоморфным и имеют вербальное выражение.

Аксиологическая шкала культурных ценностей народа согласована с метафорической структурой (а, возможно, и в большой степени обусловлена ею) основных понятий и идей как общечеловеческой культуры, так и культуры конкретного народа. Ценностные суждения восточнославянской культуры XI–XVII вв., зафиксированные письменными памятниками этого периода, активно репрезентируются когнитивно-языковыми метафорами, в том числе и антропозооморфными. Культурные оппозиции *хороший – плохой*, *добро – зло*, *чистый – нечистый*, *мужской – женский*, *верх – низ*, *право – лево*, *близко – далеко* и т.п., выраженные фаунонимами, лежат в основе качественных и пространственных метафор: *вижь же яко покладає(т) разнореченье волови и ослу воль бо ч(с)ть есть живо(т) ... осель же всяко противе(н)* (ГБ, 126. XIV в.); *И отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую* (Мф. 25: 32–33).

Исследуя мифологию, фольклор и ранние письменные источники конкретного народа, можно определить *прототипические культурные метафоры* и *прототипические образы*, положенные в основу таких тропов, многие из которых носят универсальный характер. Если говорить об особенностях зооморфной метафоры, следует отметить ее ориентацию на опыт человека, живущего в определенных климатических условиях, в определенном пространстве, в определенное время, занимающегося конкретными видами деятельности, т.е. на ряд экстралингвистических факторов, преимущественно связанных с хозяйственным освоением действительности. Прототипичными образами зооморфных метафор в восточнославянской культуре являются такие персонажи, как волк, лиса, медведь, заяц, кот, собака, коза, кукушка, петух и некоторые др. С каждой зооморфной фигурой соотносится, как правило, один доминирующий, ведущий признак, занимающий на прототипической шкале высшую точку, ему сопутствуют дополнительные характеристики, которые могут варьироваться и модифицироваться от

культуры к культуре. Принцип определения, например, волка как самого жестокого, лисы – самой хитрой, зайца – самого трусливого и т.д., соотносится, прежде всего, с системой смысловых кодов мировой мифологии и лишь затем входит в соответствие со спецификой структур мифологического мышления конкретного народа (например, в Китае и Англии ловеласа сравнивают с волком, славяне же отвели эту роль козлу и кобелю).

Диахроническая метафора оказала мощное влияние на дальнейшую стереотипизацию мышления, представив образы конкретных животных в их связи с позитивными или негативными ассоциациями. Амбивалентность метафорического образа скорее связана с фольклорной репрезентацией фигуры животного, чем с мифологической, где смысловые акценты со знаком минус или плюс были расставлены более четко. Например, одиозный персонаж мифов, легенд, преданий, а затем сказок, басен, паремий волк в восточнославянских народных сказках позиционируется не только как жестокий хищник, но и как глуповатое существо, которого может обмануть хитрая лиса, а харизматичный лев представлен как высокомерное, амбициозное и трусливое животное. В известной сказке «Рукавичка» собраны звери, действующие как положительные фигуры, хотя в других фольклорных дискурсах они чаще выступают как отрицательные герои (волк, лиса, медведь, жаба, мышь). Двойственное отношение к животному строится на противопоставлениях природного и культурного характера и является психологической проекцией человека на мир фауны: укр. *дома лев, а на війні тхір; лев – цар звірів, а боїться комарів; жив, як лев, а загинув, як муха; лисяча хитрість, заяче серце; лисячий хвіст, а вовчий рот.*

Психоаналитическая презентация антропозооморфной диахронической метафоры отражена в письменности восточных славян через механизмы психологической проекции и выражает универсальный и специфический опыт человека одновременно [Коч 2010б]. Возможность проективной инверсии в метафоре (ср. *человек – собака, собака – человек*, где последнее сравнение более свойственно парахроническому концепту) усложняет анализ скрытого сравнения, однако позволяет интерпретировать целые сообщества животных как человеческий социум. Использование большого количества терминов родства и других социальных антропоморфизмов в именовании животных (часто в форме табу) подтверждает психологическую проективность метафоры: ласка – вост.-слав. *невеста*, серб. *невеста, сноха, кума*, болг. *невеста, молодая женщина*, лужицк. *барышня*, немецк. *Schünchen, Frduchen, Johannesbräufchen, Kaisertochter.*

Метафоричность идиоматических выражений, формировавшаяся постепенно – от прямого смысла до переносного, также имеет свои динамические особенности. Б.А. Ларин, исследовавший фразеологический материал древнерусских и старорусских текстов, отмечал, что «самым существенным и решающим условием преобразования простого речения в идиоматическое было **семантическое обогащение**, называемое метафоризацией, сущность которого в расширении и обобщении значения в сторону образной типичности» [Ларин 1977]. В основу народных паремий легли наблюдения быта, ремесел, природы: *было ремесло да хмелем зарасло* (Сим. Послов. № 271, 81. XVII в.), *целоваль воронь курку – до последнева перышка* (Сим. Послов. № 2568, 154. XVII в.). Сохранили фразеогаммы и память о давней вражде: *ежь медведь татарина, а оба не надобе* (Сим. Послов. № 2745, 160) (об оппозиции *свой – чужой* и ее метафоричности см. [Коч 2010 с. 103–129]).

Подводя итоги исследования диахронической метафоры с учетом результатов, полученных ранее (см. наши работы [Коч 2010а; 2010б; Пруткая 2010]), можно сделать ряд **выводов**. Базовый компонент структуры когнитивной метафоры – универсальная (межкультурная) семантическая оппозиция, презентированная как фундаментальными, так и менее сильными бинарными противопоставлениями (примеры моделей: *живое ↔ неживое → → человек ↔ предмет → → человек ↔ камень; природа ↔ человек → → животное ↔ человек → → медведь ↔ человек*). Уравновешенная позиция двух компонентов сравнения первоначально предполагала их буквальное смысловое равенство (человек = животное, человек = предмет), которое со временем трансформируется в метафорическое, в результате чего происходит перекатегоризация картины мира.

Такую метафору можно рассматривать как медиативное звено между первоначальным пониманием действительности, основанным на наглядно-образном мышлении, и вторичном, основанном на абстрактно-логическом мышлении, а также как семантический триггер между осознанием связи реальных и ирреальных объектов. Замещающая (проективная) и медиативная функция метафоры определяет ее центральное место в процессе познания различных фрагментов действительности. Часто по причине утраты истинного, первоначального информационного кода, следы которого можно найти в письменности предыдущих веков, расшифровка является лишь интерпретацией не буквальных, а метафорических смыслов.

Диахроническую метафору характеризуют переходные когнитивные образования сознания – метафоры-метаморфозы и метафоры-символы, в основе которых лежат прототипические образы, варьирующиеся в разных культурах. Самыми распространенными способами материализации когнитивной метафоры являются лексемы во вторичных значениях (апеллятивы, имена собственные),

архаичные термины и фразеогаммы, которые в определенном рефрейминге культурного контекста можно рассматривать как мини-дискурсы, а также прецедентные мифологические и фольклорные тексты.

Исследование метафоры в ее генезисе *перспективно* для дальнейшего развития теории диахронической когнитивной лингвистики и методики описания парахронических концептов архаических концептуальных картин мира. Метафоризация сыграла огромную роль не только в становлении и развитии языковых систем, но и в формировании коллективного сознания этносов, народов, наций.

Литература

Балашова Л.В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы: (На материале русского языка XI–XX вв.) / Л.В. Балашова // Автореф. дисс. ... докт. наук: 10.02.01. – Саратов, 1999. – 42 с. *Декарт Р.* Избранные произведения / Рене Декарт // Пер. с фр. и лат., ред. и вст. стат. В.В. Соколова. – М.: ГИПЛ, 1950. – 712 с. *Коч Н.* Генезис восточнославянской концептосферы в языковом и культурном отражении (эволюционное развитие дуальности *человек–животное*: на материале мифологии, фольклорных источников, памятников письменности XI – XVII вв.) / Наталия Коч. – Николаев: Илион, 2010. – 440 с. *Коч Н.В.* Метафора как средство медиации в бинарных концептах / Н.В. Коч // Мова і культура (Науковий журнал). – К.: Вид. дім Дмитра Бурого, 2010. – Вип. 13. – т. IV (140). – 424 с. – С. 5–12. *Ларин Б.А.* Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологического материала) / Борис Александрович Ларин // История русского языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – 223 с. – С. 125–149 [Режим доступа: [philology.ru > linguistics2/larin-77d.htm](http://philology.ru/linguistics2/larin-77d.htm)]. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление / Клод Леви-Строс // Пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. – М.: Республика, 1994 – 384 с. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы [Изд. 3-е, доп.] / Дмитрий Сергеевич Лихачев. – М.: Наука, 1979. – 360 с. *Пруткая Н.В.* Когнитивная и языковая зооморфная метафора как фактор освоения человеком окружающей действительности / Н.В. Пруткая // Веснік Брэсцкага ун-та. Сер. 3 «Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія». – Брест: БГУ, 2010. – Вип. 1. – С. 21–31. *Ящуржинский Х.П.* О превращениях в малорусских сказках / Х.П. Ящуржинский // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія [Упор., прим. та біогр. нариси А. П. Пономарьова, Т. В. Костіної, О. О. Боряк.]. – К.: Либідь, 1991. – С. 554–574.

Список сокращений источников

ГБ – Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского, XIV в., ГИМ, Син., № 954, 213 л. *КР* – Кормчая Рязанская 1284 г. // Рукопись ГПБ, Ф. п. I, 402 л. *Мф.* – Библия. Евангелие от Матвея. *Сим. Послов.* – Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII – XIX ст.ст. Собр. и подгот. к печати Павел Симони. – СПб, 1899. Скар. ПС – «Библия русская» издания Ф. Скорины 1516–1519 гг. – Притчи Соломоновы.

КУЛИК Н.Д.

(Київський національний лінгвістичний університет)

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ДОСЛІДЖЕННЯ НІМЕЦЬКИХ ПРИСЛІВ'ІВ

Стаття висвітлює актуальні аспекти вивчення німецьких прислів'їв. Уточнено місце паремій у сфері фразеології. Дано короткий огляд основних пареміологічних словників німецької мови.

Ключові слова: німецькі прислів'я, пареміологічні словники, дискурсологія, лінгвокультурологія, лінгвістика тексту.

Кулик Н.Д. Актуальные вопросы исследования немецких пословиц. Статья освещает актуальные аспекты изучения немецких пословиц. Уточнено место паремий во фразеологии. Дано краткий обзор основных пареміологіческих словарей немецкого языка.

Ключевые слова: немецкие пословицы, пареміологические словари, дискурсология, лингвокультурология, лингвистика текста.

Kulyk N.D. Actual questions of German proverbs research. This article deals with the actual aspects of German proverbs' study. The proverbs status in the phraseology is verified. The short review of the main German paremiology dictionaries is given.

Key words: German proverbs, paremiology dictionary, discoursesology, linguoculturology, text linguistics.

Фразеологічний склад мови є яскравим виразником культурного та духовного надбання етносоціуму. Домінуючий у дослідженнях останніх десятиліть антропологічний підхід до вивчення фразеологічної семантики зумовлює актуальність запропонованої розвідки. Паремії є семіотичним феноменом [Селіванова 2010, с. 535], що носить універсальний та міждисциплінарний характер.

Мета статті – виявити аспекти розгляду паремій у сучасній вітчизняній та зарубіжній германістиці. Досягнення поставленої мети передбачає вирішення **завдань**: уточнити місце паремій у сфері фразеології німецької мови; дати короткий огляд збірників паремій німецької мови; простежити актуальні питання дослідження німецьких паремій у мовознавчих студіях сучасників. **Предметом** дослідження є аспекти вивчення німецьких прислів'їв у германістиці. **Об'єкт** дослідження становлять німецькі прислів'я.

На сучасному етапі розвитку лінгвістики переважає широке розуміння обсягу фразеології [Селіванова 2010; Фразеологія 2008; Burger 2010; Fleischer 1997; Palm 1995; Phraseologie 2010]. Широкий обсяг фразеології визначається на основі ознак відтворюваності, стійкості, клішованості, культурної